

... И вот прошел третий сезон, в организацию и проведение которого ваша покорная слуга внесла посильную лепту. Несмотря на опасения Бориса Кутенкова, чтения прошли феерично — как бы ни было неуместно это слово в поминальном контексте. Уже в первый день в Российской государственной библиотеке для молодёжи, в её просторном серебристом зале, разгоняющем всяческий траур, было прочитано несколько ярких докладов. Один из основателей группы «Междуречье» Алексей Корецкий делился воспоминанием об экстравагантной личности Льва Дождёва (1970 — 2007) — по его словам, гениального графомана, человека литературоцентричного до мозга костей. Когда Алексей впервые встретил поэта, тот развернул перед ним огромный лист кальки, сплошь мелко исписанный: это была поэма, посвящённая погибшему Владу Листьеву. Среди шокирующих опусов Льва Дождёва, в которых он много места уделял визуализации и звучанию, есть, к примеру, такие:

*В РАПО МешКАМИ ВЕДАеТ УДАв Я в ШАХмАТЫ
ПРОшляПИЛ МАХУ ДАВ
У КАМЫ ШкИВ УвеРЕННО вРАщАЯ:
И дёрГАЮсь КАК ДрЯхлаЯ ПРАщА Я*

*СожЖЁН МозДОК, пыЛАЕТ СЕРдцА БОЛЬ,
В БашКЕ МоЕЙ ЗЕЛёНЫЙ АлКОгОЛЬ
ХиРЕет РЕчка, ЕгЕРь сНЁС ЛосЮ НОС:
И БОЛЕ в МИР ПОДЛУнный Я НЕ СУНУсь!*

Впрочем, на вечере читали более традиционные его вещи:

*Суровые с запада ветры подули на
страну, в её сёла ли, на города ли.
Лишь ты ныне, Белла, ликуй, Ахмадулина, —
тебе почитатели премию дали!
Да, я не похож на пророка ИерЕмию,
но с просьбой одной обращаюсь всё же к музе:
пусть мне Александра Сергеича премию
дадут не в Германии — в бывшем Союзе!*

Нелепо погибший от ножа гопников поэт Максим Максименко (1973 — 2001) ожил в дружеском рассказе Андрея Щербака-Жукова. Поэт и филолог жил в Краснодаре, окончил филфак, а потом журфак Кубанского госуниверситета, в 27 лет защитил кандидатскую по языкознанию, принялся за докторскую, работал в газете и на радио, преподавал. Поразительно: творческое наследие Максима составило три массивных тома — так много он успел сделать. Как заметил Андрей, Максименко «по жизни» был весёлым толстым Карлсоном, душой компании, вместе с ним еще в 90-е они нагло отплясывали на сцене перед носом у краснодарских бандитов. Когда Андрей приезжал в Краснодар и звонил ему по телефону, Максименко, сколько бы времени ни прошло, как ни в чём не бывало говорил: «Ну, продолжаем разговор». Кстати, неплохое название для книги. Стихи Максима близки по стилистике к Серебряному веку, и, несмотря на весь оптимизм характера поэта, в них часто звучит тема смерти:

*Кривой кинжал мне грудь рассек,
И вдруг — нежданное признание —*

*Я в брызгах крови рассмотрел
Немые тайны мирозданья.*

*Хотел сказать, но вместо слов
Струею кровь из горла билась.
И тайны вечные в глазах,
Остекленев запечалились.*

*Успел я кровью написать
И сделать жест в предсмертном стоне.
...А после голубь прилетал
Читать разгадки на бетоне...*

О поэте Андрее Новикове (1974 — 2014), собрав чувства в кулак, рассказывала его вдова Лилия Газизова. Андрей был главным редактором журнала «Современная поэзия», руководителем интернет-портала «Литературная афиша». Так сложилось, что поэта, утонувшего на Чистых прудах, сначала похоронили неопознанным, лишь потом нашли и перезахоронили. Накануне чтений в литературном салоне «Булгаковский дом» презентовали сборник стихов Новикова «Нерасчётливый наследник», и издатель Александр Переверзин передал стопку экземпляров для слушателей чтений. Андрей Новиков был также одним из основателей литературной группы «Рукомос», создателем журнала «Сетевая поэзия»: помогал москвичам узнать творчество поэтов Беларуси, Украины, Казахстана, Калининграда, Нижнего Новгорода, Казани. В числе его проектов — организация Международного фестиваля поэзии «Порядок слов», кураторство сайта «ТЕРМИтник поэзии», да и не только. Можно сказать, что в вечных заботах о продвижении других талантов Андрей Новиков скромно отодвигал своё творчество на второй план:

*Ногу за ногу заложив,
Велимир сидит. Он жив.
Д. Хармс*

*Он больше века ум тревожит
и сторожит.
Поступит жизнь с тобою строже,
но надо жить.*

*А мир, что зримо им построен,
стоит как Рим.
Как будто бы незримых трое
следят за ним.*

*Ему служило солнце словно
и хлеб и кров.
И были радостным уловом
добро, любовь.*

*Весь скарб его, одежда, утварь —
Бумаг мешок.
А он вставал с травы под утро
И дальше шёл.*

*Как нерасчётливый наследник,
открыв сезам,
он каждый день жил как последний,
и умер сам.*

Потряс порывистый, равнодушный рассказ Даны Курской о несчастной судьбе Ники Турбиной (1974 — 2002), ставшей заложницей своего дара. Стихи приходили к маленькой девочке по ночам, как заговор, когда она ещё не могла их

записывать. Записывали мама и бабушка, которым это не нравилось, их это пугало. Но случилось так, что стихи оценил прозаик Юлиан Семёнов, талантливую девочку поддержал поэт Евгений Евтушенко. И началось Никино триумфальное шествие. Маленькой девочкой она объехала с поэтическими вечерами Россию, за границу. А позже ранний ошеломительный триумф вылился в психологическую травму. Нике нужно было учиться, закреплять успех, а вдохновение было обманчиво, прихотливо. Нике был необходим учитель, наставник, который собрал бы по кусочкам её распадающийся мир. Не сложилось. Итог печален: одиночество, алкоголизм, попытки самоубийства, последняя — удачная. Дана Курская нашла двор и дом, где жила Ника: оказалось, местные пьяницы её прекрасно помнят. Правда, когда Дана заговорила о поэзии, они удивились: «А разве она писала стихи?»

КУКЛА

*Я как сломанная кукла.
В грудь забыли
Вставить сердце.
И оставили ненужной
В сумрачном углу.
Я как сломанная кукла,
Только слышу, мне под утро
Тихо сон шепнул:
«Спи, родная, долго-долго.
Годы пролетят,
А когда проснёшься,
Люди снова захотят
Взять на руки,
Убаюкать, просто поиграть,
И забьётся твое сердце...»
Только страшно ждать.*

Следующие два дня чтений были отмечены ещё большим накалом. Олег Демидов вышел на сцену с айфоном и ярко, живо, с цитатами из воспоминаний рассказал о кургуазном маньеристе Александре Бардодыме (1966 — 1992), о его смерти в борьбе за независимость Абхазии. Клементина Ширшова повествовала об Анне Горенко (1972 — 1999), о её сложной экспериментальной поэтике, которую критик Данила Давыдов назвал «поэтикой последовательного ухода». Культивируя её, Анна в последние дни не выходила из дома. Не секрет, что Анна практиковала ИСС: умерла от передозировки героина. Показалась необычной личность Жанны Тундавиной (1979 — 2013), о которой говорил Стас Нестерук: властная дама со многими конфликтовала, производила впечатление человека с большими комплексами. Умерла странно: решила похудеть, из-за этого возникли проблемы с сердцем, но она почему-то последовательно отказывалась от помощи врачей:

*А смерть не страшна, не нежна, скорей — показательна,
Скорее светла, как январских деревьев статья,
Ухода, мой милый, бояться не обязательно,
Ведь он — лишь момент, когда просто хочется спать.*

*Ведь он — как улыбка. Совсем-совсем невесомая
На губ уголках — геометрии вопреки,
И легкость, и знание, что прежняя ночь бессонная,
Тревоги и боль — это сущие пустяки.*

*А в церковь не надо, и дату считайте праздником,
Я душу вам за гулянку даю на чай,
на кофе, водку... впрочем, какая разница?
Мне скоро будет легко. Вот и всё. Прощай.*

В третий день, в Институте журналистики и литературного творчества, был полный аншлаг. Людмила Иванова, приехавшая из Мурманска, представила личность поэта-мистификатора Андрея Анипко, писавшего

и переводившего под псевдонимами Андрей Небко, Йордан Кейн, Арсений Северин, Андрей Савельев (1976 — 2012). Жил, учился и работал в Питере, отличался впечатлительностью, бескомпромиссностью, склонностью к фантазиям, словесной игре. Увлекался театром, играл на любительских сценах, вёл кружок по изучению античности, владел восемью европейскими языками, переводил античных поэтов, Шекспира, Бодлера, Новалиса, Гёльдерлина, Рильке и других. Подвело поэта здоровье. В последних стихах тоже ощутимы «пляски смерти»:

*Нет ни слова, ни звука, ни всплеска —
это небо, не роцца, не пруд,
это небо — как ветхая фреска —
столько света, а спичек не жгут.
Это всё, что, конечно, не вспомню,
даже если с собой унесу, —
в небо входят, как в каменоломню,
керосинку держа на весу.
Это небо, и редкие звёзды,
даже реже, чем зубья гребня,
как уродливые наросты
на коре одинокого дня,
одичавшие эти погосты,
где, наверно, заждались меня.*

*Я люблю это стылое небо,
этот звёздный серебряный мох,
снова день — удивляться нелепо —
на корню, как осина, иссох.
Я простёр онемевшие руки
полумесяцу, полухребту:
в купола, как в надбровные дуги,
где, как летопись, жизнь перечту
и, ни строчки знакомой не встретив,
изготавлию — и с красной строки*

*поспешу бормотаньем согреть их,
не нащупав ответной руки.*

О Юлии Бондалетовой (1973 — 2013) из Караганды написали и прислали доклад подруги Дина Рыбалкина, Варвара Дадышко и Ирина Окунева. Юлии даже в самые молодые годы было свойственно трагическое мироощущение, несмотря на тепло родных, друзей, на внешнее благополучие жизни. Как и мать, она работала на скорой помощи, была хорошим врачом. С ранних лет болезненно, с надрывом относилась к своему поэтическому творчеству, ставила всех в тупик вопросом: «Я гений?» Процесс создания стихов был мучителен. Поэтесса жаловалась, что ей снятся стихи, целыми, готовыми, необыкновенными, но после пробуждения она ничего не помнила. В последние годы жизни рыдала и называла свой талант «проклятьем».

*Стояла полночь пенной кружкой пива,
а звёзды солью посыпали тени.
И на тарелке белого налива
светился бок. И рам переплетенье
ложилось на пол, как крестом — крещение.
И вкус бессонья, словно привкус яблоч,
кислил во рту, а зёрнышек горченье
напоминало — ты раздет, ты зябок
в одеждах века, с мятой сигаретой.
Она горчит — не зёрнышки, не полночь
за два часа до летнего рассвета.
Ты перевозчик, пересмешиник, сволочь —
катать слова к последнему пределу
до ужаса детей, до сумасшедших
сибирских рек. Ведь только переделать
все окончанья временем прошедшим
от настоящего. Чего пугаться? Следом
осядет пена полночи, и кружка*

наполнится янтарной сутью, бредом,
и гомоном, и прелостью пирушки
в ночи неспящих, словно SOS, последних
сухих, как соль, разменных достояний.
Я обменяю эту твердь столетий
на ртуть живых, как яд, благих познаний
в четвёртый час июльского рассвета...
Я слышу — так кузнечик не стрекочет —
так метроном никчёмного ответа
остановиться хочет, но не может.
Не слушать бы его — уйти, кочуя,
в суровость водочного русла, чуя, чуя,
горчинку жизни. Не залить — сглотнуть бы,
но в хронику влетают наши судьбы...

Кстати, необходимо сделать одну важную заметку о концепции. Степень таланта и мастерства может различаться, однако организаторы изначально отказались от сравнительной иерархии — поэт может быть интересен либо стихами, либо харизмой, иногда — сочетанием того и другого. Поэт Влад Клён (1981 — 2010) был гениальным организатором фестивального движения на Украине: как выяснилось из рассказа Анны Грувер, почти незаменимым. Ксения Болдырева (1987 — 2014) была активной фигурой в литературной среде Красноярска — организовывала поэтические вечера; свои вещи читала в оригинальной речитативной манере под музыку. Погибла страшно и красиво: утопилась в реке — скорее всего, из-за любви. Алексей Караковский и Владислава Рукавишникова представили музыкальную мелодекламацию по стихам Ксении. Светлана Горшунова (1974 — 2001) была старостой и душой лито «Луч» Игоря Волгина, согревала друзей-поэтов искренностью, теплотой, завораживала манерой чтения. Её смерть под колёсами грузовика стала для всех шоком: её натура, оптимистичный и уравновешенный характер ни у кого не ассоциировался

со смертью. Однако в её стихах тоже есть предсказание, но не мрачное, а светлое, летящее, божественное:

*Не плачь, я не умру. Я буду жить с тобою,
Нелепыми стихами говоря.
И только тело станет — неземное,
Оно теперь — дожди, снега, заря,
Апрелевых ветров прикосновенье,
Высокой птицы реюший полет...
Не плачь, не плачь, посмертное рожденье
Не так уж мало радостей даёт.
Я молнией пронизываю грозы,
Лучом играю с книгой на столе.
Не плачь, мой сильный!
Видеть твои слёзы
Я не умела даже на Земле.*

Трудно рассказать обо всех. За три дня было прочитано более тридцати рассказов: в числе помянутых поэтов были также Роман Барьянов, Макс Батулин, Дмитрий Долматов, Эдуард Кирсанов, Тарас Трофимов, Евгений Хорват, Дмитрий Черниченко, в числе докладчиков были также Андрей Добрынин, Ольга Ермолаева, Алёша Прокопьев, Алексей Сосна, Андрей Филимонов, Наталия Черных. Актёры Максимилиан Потёмкин и Светлана Андрийчук разыграли репризу: изображая геологов-изыскателей, которые осуществляли символические раскопки, обнаруживая «свитки», «пергаменты», «треугольники» с биографиями и стихами ушедших поэтов. Ведущие Владимир Коркунов и Клементина Ширшова делали блиц-читку поэтов, о которых не было выступлений — Карл Ольгин, Олег Золотов, Алексей Сомов, Манук Жажоян, Сергей Арешин, Мирослав Андреев. И, наконец, третий день завершился докладом Александра Лаврина «Поэт и смерть: быт, экзистенция, выбор пути» и дискуссией участников и организаторов чтений о перспективах проекта...